

ГЕРОИ

ВЧЕРАШНИХ ДНЕЙ

Марсель Марсо называл Енгибарова "гением пантомимы", "великим поэтом движения". Увидев его впервые в Ленинграде, Марсо пришел за кулисы знакомиться и в знак восхищения сделал королевский подарок — предоставил Енгибарову право исполнять свою любимую пантомиму "Клетка". Всю свою недолгую творческую жизнь Енгибаров, спеша воплотить бесчисленные замыслы, ломал железные прутья чиновничьих "клеток". Окончив в 1959 году училище, он начал работать в цирке коверным клоуном, давая в каждом городе, где проходили его гастролы, по три-четыре вечера пантомимы... Постепенно у него скопилось примерно 23—24 мимических миниатюр, и Енгибаров решил сделать сольный концерт. "Ужасно хочется верить, что еще не поздно совершить что-то настоящее. Дать выход тому, что бурлит в голове и сердце", — пишет он в своем дневнике.

Но в главке "Союзгосцирка" тех лет было не так уж мало людей, далеких от искусства, пришедших из "органов". Их, конечно, знали, перед ними заискивали, их "благодарили", возвращаясь с зарубежных гастролей. Только не Енгибаров. Его "песочили" в стенгазете главка: заносчивый-де, неуправляемый. А он был не заносчивым, а гордым и жутко ранимым. Обижался, как ребенок, страдал, мучился бессонницей. "Если тебя ударили по левой щеке, подставь правую — эта заповедь не для меня", — писал Енгибаров. И отвечал начальникам на оскорбительные замечания и публичные разносы не менее дерзко, наживая новых врагов. Особенно не сложились у него отношения с одним из чиновников международного отдела, от которого зависели зарубежные гастролы. После одного из скандалов, когда не пустили за границу ассистента Енгибарова, клоун ушел из цирка на эстраду, громко хлопнув дверью. И ужасно тосковал по цирковой арене, надрывая свое сердце...

...В 1972 году вышел девятый том БСЭ. В июле ротационные машины печатали его страницы, на одной из которых была первая в энциклопедии заметка о Леониде Енгибарове: "Родился в 1935 году, окончил Государственное училище циркового искусства... удостоен звания народного артиста Армянской ССР..." 25 июля корректоры читали гранки, еще не зная, что текст уже неточен: в этот день Енгибарова не стало...

Ровно через восемь лет, в такой же жаркий день, 25 июля, ушел из жизни другой кумир миллионов — Владимир Высоцкий. На похоронах Енгибарова Владимир Семенович с серым от горя лицом читал свои стихи, посвященные другу: "...Первый клоун захлебнулся горем, просто сил своих не рассчитав".

Диагноз оказался общим для поэтов и самым точным, что бы там ни было написано в их свидетельствах о смерти...

Но в отличие от Высоцкого Енгибаров успел поддержать в руках свою книжку лирических новелл, которую издали в Ереване. Он назвал ее

"Первый раунд"

"Мать долгих двадцать лет мечтала, чтобы ее сын был "не как все". Сама она родилась и выросла в Марьиной Роще, и все у нее было, в общем, как у людей: трудное детство, восемь сестер и братьев, война и муж, погибший на фронте, и голодные послевоенные годы...

А сын вырос, по старой традиции Марьиной Рощи, прекрасным был обеими руками не только на ринге, был дерзок и смел на экзаменах в своем каком-то непонятном... "искусственном" институте. И для матери наступил счастливый день: сын сделал для нее главное — принес то, что она долгие годы ждала, то, чего не имела ни она сама, ни ее подруги: диплом о высшем образовании.

...Она вытерла руки, раскрасила диллом, и непрошенные слезы искривили двор и тетку Фросю на лавочке.

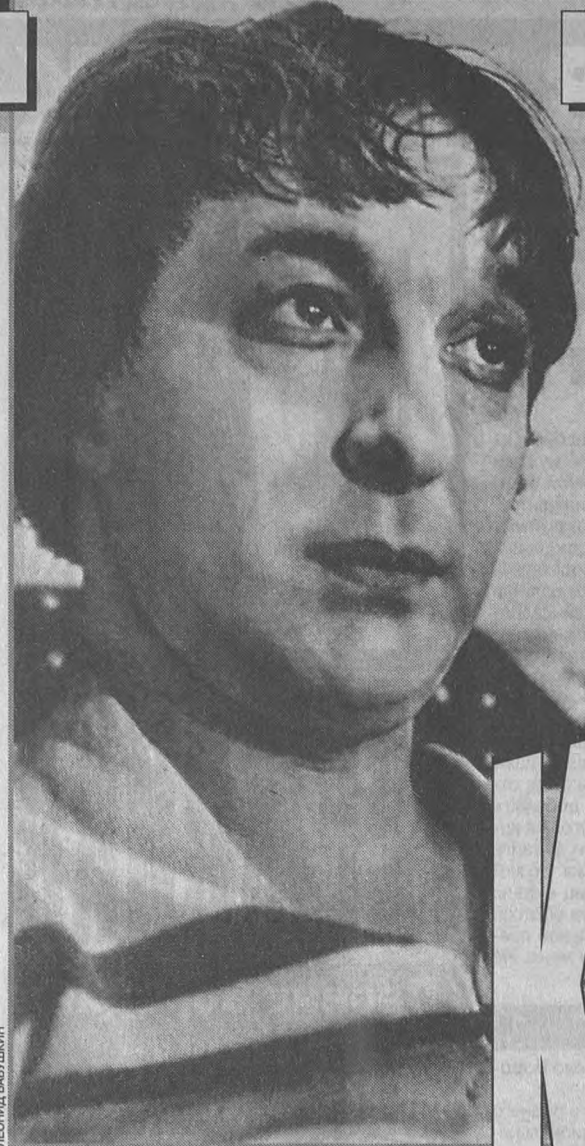
— Что такое? — поднялась тетка Фрося.
— Клоун, — прочла мать дрожащими губами.
— Ну чего ты расстраиваешься, небось это тоже же профессия!"

(Из новеллы Л. Енгибарова "Диплом".)

Леонид Енгибаров любил говорить: "Я московский армянин из Марьиной Рощи". Здесь, в 12-м проезде Марьиной Рощи, в старом деревянном одноэтажном доме они с матерью занимали две комнаты, заваленные книгами. Книги стояли на полках, этажерках, громоздились на столе, в гардеробе — всюду, куда только можно было их положить.

В цирковом училище Енгибаров пришел, когда ему было двадцать один год — солидный для этого заведения возраст. Он долго колебался в выборе профессии, какое-то время учился в институте физической культуры, куда его, боксера-разрядника, взяли с великой радостью. Но однажды попал на представление с участием Карандаша — и вышел из цирка с твердой решимостью стать клоуном. На вступительных экзаменах в училище Леонид показывал сценку "Бокс" и так убедительно "проиграл" бой воображаемому противнику, что его тут же зачислили на отделение эксцентрики и клоунады.

— Как ни странно, великим он стал для нас толь-

ЛЕОНИД ЕНГИБАРОВ

ко тогда, когда ушел из жизни. Потому что до этого был просто Ленья — по-другому он никому и не разрешал себя называть, даже когда получил звание народного артиста, — рассказывает бывший выпускник, а ныне преподаватель циркового училища Владислав Шпак. — Хотя в дипломе училища у него была лишь одна четверка — по технике безопасности, — выпустился он практически с одной репризой "Зонтики", которая позже стала его визитной карточкой. Весь репертуар он нарабатывал уже в "Армянском коллективе".

Теперь все его сокурсники говорят: вот мы с Леньей... Да не было у него таких уж друзей. Может, из-за характера: Ленья не очень привязывался к кому-то одному, просто был необыкновенно общительный, и все у него были "свои".

Трудяга был и выдумщик — первостатейный. На уроках актерского мастерства педагога поражались его этюдам. Казалось, он круглые сутки что-то придумывал и тут же репетировал до седьмого пота. За глаза его называли фанатом, впрочем, цирк ведь и стоит на таких одержимых.

Бывало, соберемся с ребятами вечером, только разольем по рюмкам, а он: "Подожди, старик, у меня есть новая пантомима..." Ну и все, поехали. Он не просто показывал, а проверял на нас реакцию. Случалось, за вечер целая компания одну бутылку выпить не успевала — смотрели, потом бурно обсуждали. Иногда в самый разгар спора он вдруг выпаливал: "Спасибо, старик! Я пошел думать..."

Ленья выпускался на год раньше нас, но весь клоунычьи курс под его влиянием "заболел" пантомимой, хотя такого предмета в учебной программе тогда не было. Мы всем курсом делали его пантомимы — цикл "Цирк": "Дрессировщик", который засовывал голову в пасть льва, а потом с фонариком разыскивал забытую в пасти шляпу, "Жонглер", "Гимнаст". Удивительно, как он все переводил на работу. Меня, например, "завел" на карикатуры. Он открыл для меня Линдгрена, Каран д'Аша. Я и не знал, что есть такой карикатурист (между прочим, Карандаш взял себе псевдоним именно у него). Карикатуры формировали алогичное мышление, я эту Ленину "методику" сейчас даже ввел в программу по актерскому мастерству будущим клоунам. Ребята не делают сценку с рисунка, а ищут мысль с алогичным ходом.

В цирке у него потом было много подражателей, и сейчас еще чувствуется его влияние. Хотя, конечно, никто до уровня Леонида так и не дотянулся. Клоун-интеллектуал, он надолго опередил свое время...

Земной шар на ладони

"...Многое уже стирает время, а многое можно уже забыть: усталость от тренировок, боль от ушибов и падений. Вот только одно никогда не забывается,

"Не умрет Клоун", — говорил Леонид Енгибаров. Но клоун-мим, имя которого знал в СССР каждый, ушел от нас тридцать лет назад. В 1964 году его признал и полюбил мир: на Пражском международном конкурсе Енгибарова назвали лучшим клоуном Европы. Для него писали сценарии фильмов, он снимался в эпизодах у Параджанова, Шукшина, Ролана Быкова. У него были толпы поклонников. Его боготворили женщины. О, какими глазами они смотрели на манеж, заставляя ревновать своих спутников! Казалось, только помани он за собой любую из них — и пойдет, не задумываясь, хоть на край света за этим худеньким, похожим на подростка чудодеем с необыкновенными армянскими глазами...

Ядвига за два года до встречи с Леонидом.

Любовь и смерть Леонида Енгибарова

это когда ты стоишь на двух руках, медленно отрывая одну руку от пола и понимаешь, что у тебя на ладони лежит земной шар".

(Из новеллы "Шар на ладони".)

Пожалуй, до Енгибарова клоуна — поэта, лирика и философа цирк еще не видел. Енгибаров избегал всякой "бытовухи". Великолепный акробат, жонглер, эквилибрист, он никогда не использовал трюк как самоцель. Мог рассмешить зрителей до упаду —

Енгибаров с товарищами по программе

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Полет без страховки

"Ты только не бойся. С тобой никогда ничего не случится, потому что у тебя два сердца, если в воздухе на секунду замрет одно, то рядом забьется второе. Одно из них тебе дала твоя мать. Она сумела это сделать, потому что девятнадцать лет назад сумела полюбить, полюбить... Ты не смейся, это очень трудно — полюбить."

А второе сердце дал тебе я. Носи в груди мое шальное сердце. И ничего не бойся..." (Из новеллы Енгибарова "Девчонке, которая умеет летать".)

Они встретились в 1968 году: девятнадцатилетняя девчонка, которая умела летать, и тридцатитрехлетний Леонид Енгибаров. Латышка Ядвига Коккин была гимнасткой в "Галактике" — лучшим воздушном полете того времени. В финале номера она взлетела под самый купол цирка, чтобы потом, под испуганное "ах!" зрителей, резко спикировать головой вниз. Лишь в последний миг она делала неуловимое для глаз движение — и "приземлялась" в сетку на спину. Трюк, на который решаются только самые отчаянные и уверенные в себе гимнасты: одна ошибка, и...

...В тот вечер в гостиничном номере собралась шумная компания цирковой молодежи. Леонид, как всегда, балагурил, Ядвига звонко засмеялась. Он повернулся к девушке и запнулся на полуслове. Их взгляды встретились...

...Два счастливых месяца пронеслись как миг. Гастролы в Ростове закончились, из главка прислали разрядники: Енгибарова — в Минск, групповой полет "Галактика" — в Московский цирк на Цветном бульваре. Но едва выдался послепремерный выходной, Ядвига из Москвы рванула в Белоруссию. Через день вернулась окрыленная. Работала так, словно сила земного притяжения на нее не распространяется...

Больше Ядя и Леонид в одной программе не встречались: отдел формирования программ не обязан учитывать, кто в кого влюблен. Вырывались друг к другу при первой же возможности, хотя бы на денек. "Все равно мы будем вместе!" — писала торреливым почерком Ядвига из Японии.

Наверное, они могли бы быть вместе, если бы она бросила свой воздушный номер. Но — не бросила... Такую возможность они с Енгибаровым даже не обсуждали.

Конечно, ее мучила ревность. В Ростове Ядя видела, какие толпы поклонниц осаждали гостиницу, где жил Леонид. Администрация, чтобы отбиться от женщин, пытавшихся прорваться к Енгибарову в номер, даже была вынуждена выставить охрану. То же было и в других городах. Да и среди артистов (в цирке, как в деревне, всем все известно) Ядя знала по меньшей мере двух потенциальных конкурентов. А в Чехословакии, говорили, подрастает его дочь...

Он любил ее. Очень. Но по-своему. Гениальные творцы вообще плохо "приспособлены" для семейной жизни. Посвящая ей стихи и новеллы и я мог подолгу не отвечать на письма. Если не ладилось с работой, ему вообще никто не был нужен, и прелетевшая бог весть откуда Ядвига в том числе.

Однажды Леонид исчез. Весь цирк стоял на ушах: пропал Енгибаров. Искали с милицией, артисты бегали по улицам... А через два дня появился в цирке — тихий, умиротворенный: "В чем дело, что за паника? Я общался с весной. Вы хоти заметили, какая стоит весна?"

Цирковые до сих пор помнят, как самозабвенно любила Ядвига. Выросшая в интернате, куда определила ее мать-одиночка, всю силу неразстроченной любви девушку перенесла на своего кумира, которого боготворила.

В 1971 году во время гастролей в Москве Ядя, исполняя один из сложных перелетов, не долетела

до трапеции и рухнула в сетку, которая, конечно, страхует гимнастов от падения на землю. Но если ты хоть немного расслабилась — жди травмы. То, что случилось с Ядвигой, было страшно. Ее вынесли с манежа прямо в сетке и повезли в больницу. Срочно сообщили Енгибарову. Он примчался в Первую градскую, когда девушка еще не отошла от наркоза. "Ленья, Ленья!" — заплакала гимнастка. Было непонятно, видит ли она его или зовет сквозь сон...

Всю в гипсе, он привез ее к себе домой, в Марьину Рощу. Может быть, тогда, после падения, Ядвига и оставила бы свой номер ради того, чтобы стать его женой. Если бы он это предложил...

Когда Енгибаров ушел из цирка на эстраду, она, как только заканчивались гастролы, тут же летела к нему. "Он сгорит, так невозможно выкладывать-ся!" — переживала Ядвига, вернувшись с очередного их свидания.

Со временем партнерши стали замечать, что девушка все чаще приходит на работу с похмелья. Увещевания не помогали. Любовь Яди принимала все более экстравагантные формы. Гимнастка усиленно репетировала енгибаровские репризы — его знаменитые "Зонтики" и "Моноцикл". Некоторые директора, сжалившись, разрешили ей иногда показывать клоунады на утренниках. Ядя выходила на манеж в костюме Енгибарова. Это выглядело достаточно странно. Но артисты, стоявшие в боковых проходах, смотрели по-разному: одни — с насмешкой, другие — с пониманием и сочувствием. Ядя не слушала шепотки за спиной, в момент перевоплощения в любимого она была счастлива.

...После смерти Енгибарова она сначала ушла из "полета", а потом и из цирка. Жизнь катилась под откос. Попыталась бросить пить, вышла замуж, родила девочку, но ни жены, ни матери из нее так и не получилось. "Кто любил, уж тот любить не может. Кто сгорел, того не подожжешь". Муж забрал дочь и воспитал ее один. А в 1994 году Ядвига трагически погибла.

Последняя пантомима

...Летом 1972 года Москву заволокло дымом: от небывалой жары горели торфяники. Еще были живы Высоцкий, Параджанов, Даль, Шпаликов, но смерть Енгибарова стала началом ухода особенного — поэтического и наивного — поколения художников. Способно плакать на сцене настоящими слезами, как плакал Енгибаров в своей пантомиме "Тореадор"...

О причине его смерти ходило множество легенд. Даже самые близкие люди рассказывали разное. В одной из телепередач Ролан Быков вспоминал о том, как переживал очередное унижение его друг:

— Так убивали людей. Просто заменяя слово "театр Енгибарова" на слово "ансамбль Енгибарова". Мы говорили с ним об этом, я успокаивал: кончится отпуск, восстановишь все, что ты... Он говорит: "Напечатана фиша!" — "Ну другую напечатает. Ну будешь называться ансамблем, а возьмешь статистику театру".

Мы готовились к борьбе после отпуска. Он был в прекрасной форме. Я уехал и тут же на второй день получил телеграмму: "Ленья умер".

Елена Камбутова:

— Он работал почти каждый день по два-три концерта. Приехал усталый в Москву и начал еще репетировать в Зеленом театре. В этой атмосфере, естественно, все закончилось тем, что оторвавшийся тромб закупорил сердце и оборвал его жизнь...

...Есть и другие версии. Говорили, сердце не выдержало, потому что Енгибаров слишком резко "заявлял", а расслабляться по-другому не мог. Что у него было прободение язвы, и он кричал от жуткой боли матери: "Дай мне шампанского, в комнате стоит стакан. Я знаю, мне будет легче!". Мать дала до приезда "скорой", а ведь шампанское не расширяет, а сужает сосуды...

Язва, сердце, переутомление, шампанское вместо коньяка, молоденький врач "скорой", которой не было слишком долго... Друзья и знакомые называют разные причины смерти.

Высоцкому позвонили. Он положил трубку и начал рыдать. Он кричал: "Енгибаров умер! Сегодня утром на улице Горького ему стало плохо с сердцем, но никто не подошел помочь, думали, что пьяный. Он умер, как собака. Прямо на тротуаре..."

Леонид Енгибаров умер дома. Ему было тридцать семь лет. Похоронен на Ваганьковском кладбище. Мать рассказывала, что перед смертью он что-то крикнул, но она разобрала только одно слово: "Рукописи!..."

В свидетельстве о смерти написано: "хроническая ишемическая болезнь сердца". Ей объяснили: причиной смерти стал тромб, который образовался оттого, что сын вернулся с гастролей больным и продолжал репетировать с ангиной...

Через полтора года "скорая" увезла в больницу мать Леонида Енгибарова, упавшую на улице без сознания. Врачи сказали, что она скончалась от гора.

Людмила ДИКУЛЬ.

Автор благодарит Валентину ПАНТЕЛЕЕНКО и других артистов цирка за помощь в подготовке материала.